

УДК 94(470.55)«1947/1951» + 908(470.55)

ББК ТЗ(2)631-75

**МИКРОИСТОРИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТОК
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА (1947–1951 гг.)**

Е.И. Сёмочкина

Микроисторический подход «оживляет» объективные знания о повседневной реальности любой эпохи. Для этого подхода мемуары являются одним из главных источников. Воспоминания-интервью пяти бывших студенток исторического факультета ЧГПИ, собранные автором статьи, ярко иллюстрируют обстоятельства становления, мотивы поведения, мировоззренческие ценности послевоенного студенчества в СССР.

Ключевые слова: воспоминания, микроистория, студенты.

Представленные мемуары и комментарии к ним – итог общих бесед узкого круга подруг юности и отдельных интервью с ними. Материалы корректировались и перепроверялись: могло ли быть такое или нет, или, за давностью лет, произошла фольклоризация событий. Конечно, не обошлось без идеализации: память заботливо устраняла неприятности, а если и сохраняла, то они виделись совсем по-другому. «Свой круг» обусловил большую степень доверия, которого иногда не удаётся достичь в интервью с посторонними людьми. Поэтому ответы были искренними.

Молодость этого поколения пришлась на годы после Великой Отечественной войны. Тогдашние студенты считали себя самыми счастливыми, пережив военное лихолетье, верили, что всё плохое в прошлом, а будущее – светло и прекрасно. Жизнь и в самом деле менялась к лучшему: восстанавливались дома, мирное производство, благоустраивался быт, доступнее становились культурные ценности, в том числе и учёба в вузе.

Далее я предлагаю послушать живые голоса студенток-историков ЧГПИ конца 1940-х – начала 1950-х годов.

Выбор вуза и факультета был, как правило, осознанным. **Зоя Мочалова** (далее – **З.М.**): «Моя мама была учительницей русского языка и литературы, и я считала профессию учителя самой главной. В доме всегда много читали, особенно исторические романы, а в старших классах я попала под обаяние своей школьной учительницы истории, очень эмоционально излагавшей материал».

Зоя Выдрина (далее – **З.В.**): «Учителем хотела быть с детства, уже в детсаду читала детям книжки, в школе была пионервожатой. На исторический факультет посоветовала идти учительница истории».

Тамара Чернецова (далее – **Т.Ч.**): «В школе история была любимым предметом, и решение поступать в педвуз было однозначным – только на историю».

Мария Капустина (далее – **М.К.**): «Сначала я закончила медучилище и три года отработала фельдшером в Свердловской области, а потом переехала к старшей сестре в Челябинск. Уже зная все тяготы медработника, поступила на исторический факультет, так как по складу всегда была гуманитарием, любила историю. И до сих пор интересуюсь «новостями прошлого».

Только у одной из подруг выбор был случайным. **Эра Ильина** (далее – **Э.И.**): «После школы целый год проучилась в Уральском политехническом институте на строительном факультете, и поняла – «не моё». Вернулась домой, подала документы в ЧГПИ, на исторический».

Первые впечатления об институте. З.М.: «При поступлении конкурса не было. Видела, что некоторым абитуриентам предлагали переписать неудовлетворительные сочинения, если по истории те получили 4 или 5. В 1947 году здание института уже было освобождено от патронного завода и в основном отремонтировано, только на месте актового зала зиял провал. А дипломы мы получали уже в обновлённом зале, как нам казалось, очень роскошном».

З.В.: «Первое потрясение: вид здания был неопишимо страшен... Вестибюль чёрный, стены грязные, окна от копоти не пропускали свет, везде кучи мусора. В приёмной комиссии меня подхватил географ и стал буквально зазывать на свой факультет, расписывая увлекательные турпоходы по горам и к озёрам Урала, о перспективах исследовательской работы. Но я всё-таки отдала свой аттестат молчаливой женщине с исторического факультета и никогда не жалела о своём выборе».

Отношение к учёбе и к преподавателям. Учиться старались, как можно лучше, и не только потому, что боялись остаться без стипендии и стать для родных «дармоедами», все отмечали, что такой казённый лозунг «Учёба на совесть – твой гражданский долг!» воспринимали искренне. Не хотелось быть хуже других, это тоже было большим стимулом. Бывшие студентки отметили как свою главную черту – стремление к знаниям, не просто в срок выполнять задания, но больше читать и не только по программе. Книг, в том числе учебников, тогда было мало, поэтому библиотека была «родным домом», кроме того, выручал ещё факультетский «Исторический кабинет».

З.М.: «На первом курсе надо было приехать до открытия читального зала, чтобы захватить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, т.к. они были в одном экземпляре. Поэтому одну книгу читали вдвоём, а остальные занимали очередь».

Много времени уделяли конспектированию исторических документов из хрестоматий, постановлений партии и правительства, речей политических деятелей, основоположников марксизма-ленинизма. Большинство бывших фронтовиков, особенно на первом курсе, считали сидение над книжками «школярством», ненужной зубрёжкой. Об этом вспоминает Э.И.: «Наши школьные знания и жизненный опыт фронтовиков делали семинары живыми, превращая их подчас в диспуты. Но иногда мы, девочки, обижались, когда кто-либо из «взрослых» после наших выступлений, на подготовку которых было затрачено много времени и сил, вставал и с ходу импровизировал, делал обобщения и сравнения. И получал более высокую оценку. Такой ответ мы называли «на наших костях». Однако подобное было только на первом-втором курсах, дальше мы сравнялись, многому от них научившись, а потом в чём-то и перегнали кого-то из них. Не сразу, но просыпался настоящий вкус к истории, когда хотелось самому разобраться в каких-то деталях, «дойти до самой сути». Иногда это выглядело даже анекдотично. Помню, как на практике в школе Коля Пастернак должен был давать первый открытый урок, но утром заявил, что не готов, так как всю ночь не спал, ломая голову над устройством новгородского деревянного водопровода. Лия Григорьевна Майзель, руководитель практики, очень тактично ему объяснила, что «докапываться» до истины нужно, но не тонуть в мелочах, а помнить о главном, тем более, если речь идёт о проведении урока в пятом классе. Урок Коля провёл хорошо».

Для студенток Л.Г. Майзель была как бы старшей сестрой, наставницей, её просто любили. Продолжает Э.И.: «Я была на практике в её группе, и она «лепила» из нас, студентов, преподавателей истории, формируя осознанную любовь к истории и как к предмету преподавания, и как к науке. Вообще запоминались те преподаватели, которые относились к нам с уважением и были специалистами своего дела. Например, преподаватель политэкономии, Г.Н. Молчанов учил нас мыслить самостоятельно, хотя и в нужном русле, отстаивать на семинаре свои мнения, (иногда неправильные и с точки зрения того времени даже крамольные), а потом всё расставлял по своим местам, как надо».

Единодушно восторженно студентки оценивали А.Г. Карманова, тогда ещё сравнительно молодого преподавателя. Он демонстрировал будущим коллегам свою методику преподавания: логичность изложения, выделение ключевых событий, чёткость выводов. Вспоминает З.В.: «В старших классах школы я стала делать уроки в виде лекций, излагая материал «по-кармановски», показывая причинно-следственные связи событий, что особенно нравилось школьникам. Навыки конспектирования очень им пригодились в вузах: не раз при встрече мои бывшие ученики благодарили меня за это».

З.М. под руководством А.Г. Карманова написала свою первую научную работу по истории ЧТЗ и выступила с ней на заседании краеведческого кружка в присутствии приглашённого М. Макагона – рабочего, который вывел с конвейера завода первый трактор. Вспоминает она и доцента А.Ф. Лещенко, бывшего учителя гимназии, преподававшего в ЧГПИ историю Древнего мира: «Ещё до первой мировой войны он побывал в Египте, Месопотамии, Италии, Греции – и делился с нами впечатлениями от посещения исторических достопримечательностей. Мы это воспринимали как своего рода сказку: пирамиды, скульптуры античных богов и героев, древние стелы с клинописью – всё это было столь чудесно, сколько и недоступно, но «эффект присутствия» был потрясающим».

З.В.: «Ещё нравились лекции по истории средних веков С.Л. Модало, которая «захватывала» аудиторию интересным изложением. Я впоследствии использовала этот методический приём в школе. И как-то заметила, что иногда дверь в класс приоткрывается и к моим урокам прислушивается директор. На моё предложение заходить на урок он отказался, сказав, что ему интереснее слушать вот так: незаметно для учителя, который увлечён сам и увлекает учеников».

Однако любовь студенток надо было заслужить, халтура не проходила. А на четвёртом курсе они считали себя почти «профессионалами». И тут появился молодой красивый преподаватель по Новой Истории – А.А. Адамович, только что окончивший Высшую партийную школу в Москве. Но мнения о его лекциях были нелицеприятны. **З.В.:** «Мне его лекции не нравились тем, что он к ним не готовился. Приходил, садился за стол, открывал учебник, уложив его на портфель, и читал из него. Я за ним не конспектировала, а чаще всего читала художественную литературу. Для экзамена этот учебник можно было взять в библиотеке, а большего он и не требовал». **Э.И.** дополняет: «По учебнику А.А. Адамович диктовал нам лекции. Когда надо было что-то показать на карте, он даже не поднимался со стула, а махал в сторону карты указкой. Мы, уже не «салаги», возмущались таким отношением к нам и к предмету».

Видимо, это понял и сам молодой преподаватель. Учился учить, совершенствовал навыки, приёмы, методику. Так что уже через несколько лет **М.К.** отмечала «интересные и содержательные лекции А.А. Адамовича по Новой Истории».

Мои «мемуаристки» были активными комсомолками, все находили себе поручения по душе: выпускали факультетскую стенгазету, участвовали в художественной самодеятельности, занимались спортом. **Т.Ч.** была агитатором по месту жительства, ходила беседовать с людьми перед выборами, убеждала в необходимости других политических мероприятий и т.п. С помощью комитета комсомола формировалось общественное мнение, через стенгазету освещалась жизнь студентов, их достижения, недостатки,

проблемы. Реальных рычагов управления у комсомольцев не было, но вызов на заседание бюро (уровень курса) или комитета (уровень института) сам по себе был неприятен и позорен. Там провинившегося стыдили, стращали исключением из комсомола и вуза, заставляли обещать исправиться и назначали сроки ликвидации недостатков. Если кто-то распускал язык о своей нелюбви к Сталину, осуждая его жестокость, такой разговор сразу же пресекался, казался просто недопустимым. **Т.Ч.** привела пример сокурсника Кости Эдельмана, которого за подобные высказывания «пропесочили» на комсомольском собрании, и всем комсомольцам было ясно однозначно, что он не прав. После этого он перевёлся в какой-то педвуз другого города, окончил его и вернулся впоследствии в Челябинск, долгое время преподавал историю в средних учебных заведениях. В связи с этим случаем у меня возник вопрос: «Может быть, он вас проверял, как вы отреагируете, не «поведётесь» ли на какие-то разговоры»? Об этом студентки по своей простоте душевной даже не подумали.

Различные кампании эпохи позднего сталинизма воспринимались как данность, но поскольку напрямую они не коснулись моих собеседниц, то подробности этих дел из памяти стёрлись. Изучали статьи И.В. Сталина, каждое постановление ЦК ВКП (б), верили в справедливость советского государства, научность стратегического курса на основе теории марксизма-ленинизма. А как же иначе? Например, «Вопросы языкознания» вызвали очень живой интерес. Однако когда началось так называемое «Ленинградское дело», и Н.А. Вознесенский был объявлен врагом народа, а все его произведения изымались из библиотек и уничтожались, кое-кто оставил дома его только что изданную книгу «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». На мой вопрос «Почему?» **З.М.** ответила: «Просто очень жалко стало книгу, и потом, там ведь очень ценная информация для историка».

О внешнем виде, модах красноречиво говорят редкие сохранившиеся фотографии. У некоторых юношей ещё военные гимнастёрки, брюки, сапоги, но вовсе не потому, что ностальгируют по фронтовой жизни, просто ничего другого не было. Другие – в простых потёртых рубашках, пиджаках и брюках довоенного покроя, новые вещи на студентах редки, может быть только на праздник. Девочки больше обращают внимания на внешний вид, но всё равно в повседневной жизни отличительная черта одежды – скромность. Не принято было выделяться яркостью, необычностью. **Э.И.:** «Я перешивала из старых вещей, из бабушкиного сундука. К концу учёбы в магазинах стали появляться доступные по цене ткани и хоть какая-то обувь. мода была простая: юбка закрывала колени, иногда клёш, или в складку. Платье я шила так, чтобы можно было с помощью разных воротничков, галстука, банта придумывать много вариантов. В моде были локоны, кудри, завивались на папильотки – получалось даже красиво, но не всегда.

Помню, что кого-то из моих друзей называли как-то «недозавитый баран»». **М.К.:** «Пальто перед поступлением в ЧГПИ мне перешли из шинели моей старшей сестры – военного медика. Ей и её мужу, тоже военному хирургу, в 1944 году дали в качестве подарка две американских посылки: самое главное в ней были консервы, а ещё тапочки и шёлковое платье, которое подошло только мне из-за маленького размера. Я его даже в институте носила. Моя подруга, Валя Лунегова, была настоящей модницей (ну, по тем временам), ей хотелось хоть чем-нибудь да отличаться: какие-то у неё были то оборочки, то рюшки, то воланчики. Мода на причёски в основном шла из кинофильмов, старались быть похожими на любимых актрис. Коротко не стриглись, на младших курсах у некоторых были косички, собранные в «корзинку» сзади. Длинных кос не припомню. Главным же во внешнем виде была скромность, опрятность, чтобы было чисто, поглажено, на занятия ходили с комсомольским значком».

По молодости лет студентки были абсолютными идеалистками и не падали духом из-за трудностей быта, приспосабливались к обстоятельствам, несмотря на тотальный дефицит всего необходимого для жизни. Местные студентки жили с родственниками, чаще всего это была одна комната в коммунальной квартире. Или это был свой деревянный дом без всяких удобств. Иногородние жили в общежитии. **З.В.:** «Сначала в комнате было человек 15–20. На третьем курсе я уже перешла в меньшую комнату, где было 6 человек. Не ссорились, жили скромно, делились, чем могли. Например, мой отец работал на мельнице и мог прислать мне муки, а зимой мороженого молока. Делали на всех лапшу – очень вкусно. Помощь из дома была для всех нас очень важна. Только на последних курсах стало немного полегче, в столовой можно было поесть досыта, тем более, что мы были непритязательны в еде. Как-то меня пригласил в театр один знакомый, так меня готовили всей комнатой: кто дал платье, кто – туфли, кто – брошь». **Т.Ч.** дополняет этот рассказ: «В этой огромной комнате была только одна плитка. После занятий спешили её занять. Я тратила на обед мало времени: основной моей едой был кисель и хлеб, благо в 1947 году отменили карточки. В комнате было заведено меняться вещами, особенно если шли на танцы. Только на третьем курсе, получив повышенную стипендию, я купила себе настоящее осеннее пальто».

Немного о досуге. Все тогдашние студенты очень много читали. Было просто неприлично не знать русскую (Л. Толстой, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов) и мировую (Мопассан, Гюго, Стендаль, Диккенс) классику, увлекались и революционным романтизмом («Овод», «Как закалялась сталь»). Многие обожали М. Горького. Ф. Достоевского «проходили»: слишком пессимистичен. Увлекались поэзией. С военных лет и до сих пор сохранилась любовь к стихам К. Симонова, в то время он был необычайно популярен. **М.К.** вспоминает, что у них на курсе правдами и неправдами доставали стихи

С. Есенина издания 1920-х годов и переписывали их в особые тетрадки, так же «подпольно» она познакомилась со стихами И. Северянина.

После войны вся страна читала роман А. Фадеева «Молодая гвардия», а затем вышел одноимённый фильм с прекрасными актёрами, которые стали настоящими кумирами молодёжи тех лет. Фильм «Первая учительница» романтизировал будущую профессию и убеждал в верности выбора. Восхищались музыкальными комедиями («Весна», «Кубанские казаки»), актрисы их становились «законодательницами моды», а песни шли в народ.

Вообще без песен не обходились ни демонстрация, ни субботник, ни дружеская вечеринка, даже те, кто не имел слуха и голоса, в кампании пели вместе со всеми. В ЧГПИ был большой студенческий хор, известный в городе, о котором с восторгом вспоминает не одно поколение студентов. На историческом факультете был свой хор под руководством Кости Варламова (выпускник 1952 г.).

Э.И.: «По очереди каждый факультет проводил вечера, приглашая и всех желающих с других факультетов, было как бы соревнование на лучшее проведение вечера. Обязательно был концерт самодеятельности: хор, сольное пение, танцоры, художественное чтение (стихи и проза), конфетанс, сценки (скетчи), а после – танцы «до упаду». Всё организовывали сами студенты, следили за порядком. Не припомню, чтобы были пьяные или дебоширы».

Внимание к самодеятельному творчеству пробуждало в молодёжи интерес к серьёзной музыке, театру. В филармонию покупали абонементы, доставали контрамарки в драмтеатр, институт заботился о культурном уровне будущих учителей. **З.М.:** «Настоящий оперный спектакль я увидела впервые с «культпоходом» на гастроли Свердловской труппы в здании нынешнего ТюЗа. В опере «Аида» в роли Амнерис была Ирина Архипова, очаровавшая всех своим голосом и молодой красотой. А главная героиня была представлена певицей (фамилию не запомнила) с мощным голосом, очень заслуженной и очень толстой. Она была так неправдоподобна, что её гибель в конце оперы огорчения не вызвала. Но все были в восторге, даже флегматичная Аня Кашигина произнесла формальную, но от души, фразу: «Вот что значит, искусство для народа»...».

Когда собиралась компания (после демонстрации, на Новый год, на чей-то день рождения), был неизменный винегрет, дешёвое вино, селедка или колбаса в качестве деликатеса и какие-нибудь конфеты-печенье на сладкое. Если была хорошая погода, студенты компаниями шли гулять в парк культуры и отдыха (сейчас им. Гагарина). Фотоаппараты тогда были редкостью и далеки от совершенства, тем более дороги сейчас немногие фотографии, несмотря на их неважное качество.

В ЧГПИ большое внимание уделялось массовому спорту: весной были кроссы по улицам, а зимой были лыжные кроссы. В выходные дни ходили

на лыжах в парк, на Монахи, а вечерами после занятий шли на каток. **М.К.:** «Часто бывали на катке стадиона «Динамо». Через центральный вход надо было платить, но у нас не было «лишних» копеек на билет. Поэтому пробирались через дырку в заборе, закапывали валенки в снег, надевали коньки и катались». **Э.И.:** «За время учёбы в институте я получила третьи разряды по лёгкой атлетике и по лыжам. Кроме того, на курсе сложилась команда по гимнастике: я, Надя Хахалева, Лида Безденежных, Юля Соколова и ещё кто-то».

В послевоенное время состав студентов был уникальным: вместе со вчерашними школьниками учились бывшие фронтовики, старше всего на несколько лет и на целую войну. **З.В.:** «Студенты-фронтовики были для нас как старшие братья, мы их уважали, но для них были «девчонками». Их было примерно треть курса (человек 15)». **Э.И.:** «Отношения у нас были дружеские. Мораль тогда была строгая, а девочки – скромные. Замужество предполагалось после института». **З.В.:** «Понятие семьи с детства было как что-то «святое», на всю жизнь. Поэтому с замужеством не спешила. И оказалась счастлива». **Т.Ч.:** «Только на выпускной вечер я пришла с моим будущим мужем: статным красавцем, участником войны. Все были поражены: тихая скромница с таким представительным другом. Он был старше меня на шесть с половиной лет, окончил ЧИМЭСХ (потом работал там, стал кандидатом наук, доцентом)».

После окончания института подруги вместе отмечали 25, 30 и 50 лет своего выпуска, не теряли из вида друг друга.

Обычно историк ищет источник, но в данном случае была предпринята попытка создать его. Процесс его создания был интересен самим бывшим студенткам. Беседы оживляли их, делали их как бы молодыми, словно они возвращались в те далёкие годы.

Примечания

ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт, в настоящее время – университет.

В тексте приведены девичьи фамилии студенток, в примечаниях в скобках указаны их фамилии в настоящее время.

Воспоминаниями поделились: **Выдрина** (Добровольская) Зоя Петровна, **Ильина** (Минченкова) Эра Константиновна, **Мочалова** (Сёмочкина) Зоя Васильевна, **Чернецова** (Попова) Тамара Николаевна, учившиеся в ЧГПИ в 1947–1951 годах, а также **Капустина** (Чулкина) Мария Андреевна, учившаяся там же в 1950–1954 гг. Автор статьи выражает им свою глубокую признательность и благодарность за помощь в работе.

[К содержанию](#)